

Bauer, Jaroslav

**Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии :
сопоставление синтаксического строя**

In: *Magna Moravia : sborník k 1100. výročí příchodu byzantské mise na Moravu*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965, pp. 469-492

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119658>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ЖИТЕЛЕЙ ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

СОПОСТАВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ

1. Старославянский язык, как первый славянский литературный язык, принесенный Константином и Мефодием в Великую Моравию, был создан на основе болгарско-македонских говоров окрестностей Солуны — значит, это был по своему происхождению язык южнославянский. Жители Великой Моравии говорили на диалектах западнославянских — это были предки нынешних чехов и словаков. Их язык можно условно назвать прачехословацким. Несмотря на южнославянское происхождение старославянского языка, жители Великой Моравии воспринимали его как свой, родной, а не иностранный язык. Этому способствовало, несомненно, противопоставление старославянского языка, как славянского, чужим литературным языкам, прежде всего латинскому и древнемецкому, которыми пользовались проповедники христианства из Запада. Но главной причиной такого отношения к старославяnsкому языку была тогдашняя близость славянских языков: их можно в IX. в. считать еще диалектами единого общеславянского языка.¹

Близость обоих языков, старославянского и прачехословацкого, находила свое отражение в их взаимоотношениях. С одной стороны, оба языка были так близки друг другу, что не было никакой нужды в их интеграции: в великоморавской среде старославянский язык мог выполнять роль своего литературного языка почти без приспособления к местному языку. С другой стороны, в результате этой близости взаимодействие обоих языков становилось легко возможным; влияние одного языка на другой и заимствование различных элементов словарного состава или грамматического строя могло осуществляться почти незаметно. Как показывает анализ памятников, связанных по своему происхождению с моравской и чешской территорией, обе эти диалектически противоположные тенденции имели в развитии языка свое место: в Великой Моравии употребляли старославянский язык почти без приспособления,² между тем как в более поздние памятники, возникшие на чешской почве, проникали многочисленные элементы чешского языка.³ С другой стороны, старославянский язык обогатил словарный состав чешского языка и, по всей вероятности, не остался без влияния на его грамматический строй. Однако кажется, что это влияние было не слишком глубоким и что церковнославянские элементы не закрепились в чешском языке — в грамматическом строе древнечешских памятников XIII—XIV вв. не удалось выделить достоверные следы старославянского влияния. В этом факте сказывается прекращение существования церковнославянской письменности на чешской почве задолго до возникновения чешского литературного языка.

Установление взаимоотношений и взаимовлияний обоих языков представляет важную и актуальную задачу славянского языкознания. Усилие языковедов было направлено, гл. обр., к выделению чешских элементов в старославянских и церковнославянских памятниках и к установлению их чешского происхождения. При этом они встречались с двумя затруднениями: с близостью обоих языков, не позволяющей установить принадлежность большинства языковых элементов к одному или другому языку, и с недостаточным знанием состояния прачехословацкого языка IX в., доступного нам лишь при помощи реконструкции. Здесь встречается новая опасность: при реконструкции древнейшего состояния славянских языков очень часто пользуются именно старославянским языком, как древнейшим славянским языком, засвидетельствованным в письменном виде. Разумеется, в таком случае вполне возможно, что близость закроет различия, и наша реконструкция будет неверной; такой подход не способствует, а препятствует решению первой задачи.

2. Реконструкция доисторического состояния диалектов, которые легли в основу чешского и словацкого языков, дала положительные результаты в области их фонетического и морфологического строя. В силу этого прачехословацкие фонетические и морфологические элементы в старославянских и церковнославянских памятниках поддаются определению и выделению. Новые достижения в области исторической фонетики и фонологии сделали возможным новое объяснение таких затруднительных вопросов, как, напр., разное написание звука, чередующего праслав. *ǣ*, в чешско-церковнославянских глоссах XI—нач. XII вв. (глоссы Патеры и Ягича): написание *e*, *a*, *ae* может отражать тогдашнее чешское произношение *ǣ*.⁴ Ср. анализ богемизмов в церковнославянских памятниках, представленный в этом сборнике в статье Р. Вечерки.

В области словарного состава сделано также много, но работа над выделением лексических заимствований приносит все же менее однозначные результаты, потому что пока нельзя точно установить принадлежность отдельных слов к тому или другому языку. Можно надеяться, что изучение развития словаря отдельных славянских языков и составление их исторических и диалектологических словарей создаст прочную основу для сопоставления словарного состава отдельных языков и для установления его древнейших различий.

Очень трудно поддаются определению синтаксические различия старославянского и прачехословацкого языков. Дело в том, что у нас пока нет более точного и систематического представления о синтаксическом строе чешского языка в IX—X вв.; отсутствуют даже попытки реконструкции синтаксической системы в доисторический период. Между тем, исследование церковнославянских памятников чешского извода открыло уже некоторые синтаксические богемизмы и доказывает, что работа в этой области оплачивается. В. Ф. Мареш обратил внимание на употребление простого императива в 3-м лице вместо описательной формы ДА + индикатив в Киевских листках и в Беседах на евангелие папы Григория, на более частое употребление сослагательного наклонения в придаточных предложениях цели, на употребление союзов *aby*, *ježe* и др. явления в Беседах.⁵ Р. Вечерка видит влияние чешского языка в употреблении причинного союза *nebo* и условного *aže* в глоссах Ягича⁶ и противительного союза

неž в житии св. Вячеслава.⁷ Можно предполагать, что количество синтаксических элементов чешского происхождения в старославянском языке больше, и можно также надеяться, что они поддадутся установлению, если их будут изучать не отдельно, а путем сопоставления всей синтаксической системы обоих языков. Кроме того, реконструкция доисторического состояния синтаксиса чешского и словацкого языков принесла бы большую пользу для изучения их развития в целом и для реконструкции праславянского синтаксиса.⁸

Итак, нет сомнения, что реконструкция синтаксического строя працехословацкого языка оказалась бы весьма полезной для дальнейшего исследования. Необходимо, однако, поставить вопрос, возможна ли такая реконструкция.

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны учесть предпосылки для реконструкции исторически незасвидетельствованного состояния языка. Точкой отправления может послужить лишь древнейшее исторически засвидетельствованное состояние — синтаксический строй чешского языка XIII—XIV вв., как он отражается в древнечешских литературных памятниках. В длительном промежутке — около 400 лет — со времени соприкосновения працехословацкого языка с старославянским языком, чешский язык прошел большое развитие, отразившееся также в синтаксисе. Кроме того, нужно считаться с влиянием латинского языка на возникающий чешский литературный язык, что опять-таки сказалось прежде всего в области синтаксиса. Однако мы не сомневаемся в том, что можно добиться надежных результатов, если подвергнуть данные старочешских памятников критическому анализу и при помощи внутреннего и внешнего сравнения.

Под внутренним сравнением мы разумеем сравнение данных из памятников разного рода — литературных и нелитературных, древнейших и более поздних, оригинальных и переводных — и сравнение данных из памятников с данными из народных говоров. Если нам удастся установить направление исторического развития отдельных синтаксических явлений и всей синтаксической системы, мы можем продолжить его обратно, в доисторическое время. Присущими працехословацкому языку IX в. можно считать, без всякого сомнения, те явления, которые свойственны чешскому и словацкому языкам; разумеется однако, что некоторые различия могли существовать еще в IX в. (нельзя исключить синтаксическую дифференциацию диалектов на чехословацкой языковой территории) или возникнуть в более позднем развитии.

Под внешним сравнением мы разумеем сравнение с другими славянскими языками. Самым важным является сравнение синтаксического строя западнославянских языков, которое поможет раскрыть некоторые общие древние синтаксические явления, существовавшие, по всей вероятности, уже во время языковой общности западнославянских языков, и исключить те явления, которые являются более поздними новообразованиями отдельных языков. Надо, конечно, добавить, что не все явления, общие для всех западнославянских языков, восходят к эпохе их общности, но большинство параллельных новообразований поддается различению. Результаты сравнительно-исторического изучения синтаксиса западнославянских языков нужно дополнить сравнением всех славянских языков.

К внешнему сравнению относится также сопоставление предполагае-

мого синтаксического строя прачехословацкого языка с реально засвидетельствованным синтаксическим строем старославянского языка, а именно тех его древнейших памятников, которые по своему происхождению связаны с начальным этапом старославянской письменности. (Синтаксис более поздних памятников, напр. Супрасльской рукописи, имеет уже специфические особенности, которые при реконструкции нельзя ни в коем случае учитывать.) Сопоставление должно сосредоточиться на различиях между обоими языками, иначе возникает опасность, что в реконструкцию прачехословацкого языка будут внесены несвойственные ему элементы. Установление различий между обоими языками покажет широкое совпадение их синтаксического строя во всех основных синтаксических явлениях, связанных с строем предложения.

Сопоставление синтаксического строя старославянского и прачехословацкого языков

3. Сходства в синтаксическом строе обоих языков

Сходства в синтаксическом строе обоих языков вытекают из их генетического родства; речь идет, гл. обр., о явлениях, унаследованных из праславянского языка.

3.1. Почти тождественным можно считать основной строй простого предложения и связанные с ним синтаксические средства и способы их употребления. Основное грамматическое значение падежей и производных предлогов, большинства форм глагола, категория числа, функции частей речи совпадали; тем же самым образом использовалось согласование, управление и примыкание. Нет сомнения, что почти ничем не отличались повествовательные предложения. В своей основной форме совпадали также вопросительные и повелительные предложения; но здесь встречались также различия (в употреблении некоторых частиц и описательных форм императива). По-разному оформились пожелательные предложения; в праславянском языке они не были еще вполне установившимся типом предложения. Можно предполагать, что в IX в. преобладало еще сходное выражение основных модальных значений необходимости, воли и возможности; наряду с модальными глаголами, унаследованными из праславянского (**mogti*, **jměti* и **chotěti* // *chytěti*, напр. НЕ МОЖЕТЬ ГРАДЬ ОУКРЪТИ СА Мф 5.14 Мар, НЕ ПЫЦЪТЕ СА КАКО·ЛИ ЧЪТО ИМАТЕ ГЛ<АГОЛ>АТИ Мф 10.19 Acc, ЕГДА ХОТЪАХЖ ИЗИТИ Пс 64.1 Син // древнечешск. *tuto býti nemôžem* MastMus 212; *jmámť býti zajtra na rocě* Hrad 127b, *chci vem něčso dobrého řeci* AlxV 1063) существовали инфинитивные конструкции типа БЪИС<ТЬ> ЖЕ ОУМРЪТИ НИШТЮМОУ Лк 16.22 Зопр, *mnět jest s tohoto světa sníti* Hrad 20a; распространены были также сочетания некоторых модальных предикативных наречий с инфинитивом (*lžě, trěba, potřěba* и др.): НЪСТЪ МИ ЛЪЗЪ ИНАМО ИТИ Супр 170.21—22, НЪСТЪ ЖЕ МИ ПОТРЪБА ГЛАГОЛАТИ О НЕМЪ Супр 272.10—11 // *potom budeš chietí, a nelzeť bude mietí* DalC 32, *trěba mi stebú mluvití tajného* DalC 63. Однако можно считать правдоподобным, что в западнославянских языках

очень рано наступало употребление личных конструкций с заимствованными модальными глаголами *musiti* и *drbiti* вместо конструкций дательного с инфинитивом. Значительных расхождений не было в выражении отрицания при помощи частиц *ne* и *ni*.

Оба языка унаследовали из праславянского основные типы односоставных и двусоставных предложений. Тем же образом выражались главные члены предложения: подлежащее — номинативом имени существительного, сказуемое — личной формой глагола; только в выражении именного сказуемого, а также предикативного атрибута наблюдаются значительные различия (см. ниже). Характерна была общая тенденция к употреблению согласованного определения типа ЖАЖДА ВОДЪНАЮ (Супр 135.7) // *z nedostatku vodného* (BiblOl Jd 7.16) и т. под. Также выражение дополнения и обстоятельства существительными в простых падежах и в падежах с предлогами в основном совпадало; отдельные расхождения, связанные с различиями в значении падежей и предлогов, можно раскрыть при помощи сравнительно-исторического изучения развития падежей (ср. еще ниже).

3.2. Совсем другая ситуация наблюдается в строе осложненного предложения, в старославянском языке общеславянская основа подверглась значительной обработке, характер конструкций и их использование подверглись изменениям. Это касается прежде всего деепричастных и причастных оборотов. В старославянском хотя и сохранились остатки их первоначального употребления, но в общем они переменились из полусамостоятельных конструкций, слабо связанных с глагольными предложениями, в средства синтаксической конденсации, равноценные придаточным предложениям (см. ниже § 5.3).⁹ К сохранившимся сходным явлениям принадлежат следующие:

Некоторые деепричастные обороты, в том числе обороты, присоединенные при помощи союзов *i*, *a*, и обороты абсолютные, напр. ОНЪ ЖЕ ОТВРЪЗЪ ОУСТА СВОЯ И РЕЧЕ ТАКО Супр 59.6—7, И СЪВРЪГЪ РИЗЪ КЪ НАГЪИМЪ СА ПРИМЪСИ·А ВЪПИА ТОЖДЕ ЗЪВАНІЕ СВАТЪИХЪ Супр 93.20—22, ПРИШЪДЪ ИС<ОУСЪ> ВЪ КАПЕРЪ·НАОУМЪ·ПРИПАДЕ ЕМОУ СЪТЪНИКЪ Мф 8.5 Сав (но Зорг и другие тексты: ВЪШЕДЪШЮ ЖЕ ЕМОУ); ПОВЕЛЪ ЖЕ ВОЕВОДА·СЪВАЗАВЪШЕ ЗА ВЪИЖ ВЕСТИ ВСА ВЪКОУПЪ КЪ ІЕЗЕРОУ Супр 76.7—9 // древнечешск. *ona přiskočivši k němu i vytrže kostky jemu* Hrad 126a; *tu jsem stála a plačící Vít* 50a; *uslyšav to od posla, bude jemu protivno štít; kázal ho sviežíc železnými závorami bít* Pas 470.

Употребление причастия после некоторых глаголов, напр. И МЪНЪ СА НЪИНА ВЪ СЛЪДЪ ИДЪ ВЛАДЪКЪ ИСОУСА Супр 343. 18 до 19; ВИДЪ Ч<ЛОВЪ>КА НА МЪЗДЪНИЦИ СЪДАШТА Мф 9.9 Зорг // *mníš se kúřě u Vltavě?* DalC 50; *uzře muže proti sobě stojiec* Comest 113a.

Употребление причастия с личной формой глагола *byti* в функции сказуемого: БЪАХЪ БО ВСИ ЧАЪШТЕ ЕГО Лк 8.40 Зорг // *Tantariáš bieše čekaje* Tand.

Употребление причастия в функции сказуемого придаточного предложения, напр. НЕ ВЪСТА СА ЧЕСО ПРОСАШТА Мк 10.38 Зорг; И НЪСТЪ КТО МИЛОУА Супр 57.9; ВЪ БО ОУЧА ЪКО ВЛАСТЬ ИМЪ Мф 7.29

Зорг // *neviete co prosíc* Krist 81a; *neby kto za právo sě postavě* DalL 102.2⁵
jakž mohúce sě sebrachu DalC 10.

Надо добавить, что старославянский и древнечешский языки расходятся что до частоты употребления и распространения указанных конструкций;¹⁰ поэтому не все обороты, засвидетельствованные в старославянских памятниках, можно приписывать прачехословацкому языку IX в. Сходство касается лишь самого ядра этих конструкций, существования их отдельных тип ов.

3.3. В области сложного предложения полное сходство прачехословацкого и старославянского языков можно установить лишь в немногих случаях. Дело в том, что строй сложного предложения закреплялся только в течение самостоятельного развития отдельных языков и подвергался большим изменениям при возникновении письменного языка; вследствие этого строй старославянского сложного предложения резко отличается от строя сложного предложения в прачехословацком языке. Однако основа, на которой сложное предложение развивалось в обоих языках, была одинакова, так что наряду с расхождениями встречаются также сходства в многих средствах и типах. Для выражения соединительной связи оба языка пользовались союзом *i*, присоединительное и сопоставительное отношение выражалось союзом *a*. Что касается других сочинительных союзов, совпадения нет (см. ниже § 6.51).

В некоторых типах сложноподчиненного предложения можно установить употребление того же или подобного союза или союзного слова, напр. БАКО // *jako (jak, jakž, jakož)* в придаточных предложениях изъяснительных, следствия, причины, времени и сравнительных, ЯМО // *jamo, jamž* в придаточных предложениях места, ЕГДА // *jedaž*, ДОЊДЕЖЕ // *doňadž* и т. под. в придаточных предложениях времени, ИЖЕ // *jenž, jen* в относительных предложениях, и др. Но над этими сходствами преобладают различия в объеме функций и в оттенках значения отдельных средств, в строе соответствующих типов сложноподчиненного предложения и т. под. (ср. ниже § 6.52).

4. Различия в синтаксическом строе обоих языков

Различия в синтаксическом строе прачехословацкого и старославянского языков вытекают из двух причин:

1) Старославянский язык имел характер литературного языка и превращался в письменный язык, тогда как прачехословацкий язык был только устным языком.

2) Старославянский язык имел южнославянскую основу, тогда как прачехословацкий язык — западнославянскую.

4.1. Различия первого рода вытекают из разницы в функциях литературного (или письменного) и устного языков, но функциональные различия нашли свое отражение в структурно-грамматических: в литературном языке возникают синтаксические конструкции, неизвестные в устной речи, другие конструкции переосмысливаются, получают новое место в синтаксической системе. Специфичность литературного языка — отсутствие непосредственной связи с актуальной ситуацией, недостаток интонационно-

мелодических средств и возможности дополнить языковые средства жестом — и его более сложные коммуникативные функции требуют усовершенствования и обогащения его синтаксического строя. Для старославянского языка характерно, что он был обработан в литературный язык преднамеренной деятельностью филологически высоко образованного и исключительно способного лица — Константина Философа и его брата Мефодия, хотя и не без содействия их сотрудников и учеников. Таким образом можно объяснить, что старославянский язык выступает с самого начала в виде готового языка, без больших колебаний, которые характерны для начального этапа образования всех других славянских литературных языков. В более поздних памятниках синтаксический строй в силу традиции в общем сохраняется без более глубоких изменений.

При преобразовании народного диалекта в литературный язык послужил моделью греческий язык; его влияние подкреплялось переводами дальнейших памятников и грецизацией древних переводов. Вопреки исключительной самостоятельности первых переводов, в которых почти нет рабского подражания языку оригинала, в синтаксическом строе старославянского языка греческое влияние не могло не отразиться; оно сказывалось, гл. обр., в построении осложненного и сложного предложений.¹¹

Прачехословацкий язык существовал только в устной форме; его функции были более ограниченные и он не мог отличаться таким развитым синтаксическим строем, как старославянский язык. Можно предполагать, что в IX в., когда Великоморавское государство достигло сравнительно высокого культурного уровня, существовал культурный диалект местного языка, но настоящего литературного языка здесь не было.¹² Это обстоятельство надо принимать во внимание при реконструкции синтаксического строя. Большое значение для постижения его характера имеет учет состояния в народных говорах, которые существуют также только в устной форме: несмотря на то что они прошли длительным развитием и подвергались влиянию литературного языка, их синтаксический строй в общем ближе к доисторическому, чем строй большинства древних письменных памятников, написанных на литературном языке. В дальнейшем изложении мы попытаемся наметить некоторые различия между старославянским и прачехословацкими языками, вытекающие из их разного характера (см. § 5).

4.2. Сравнительно-историческое изучение позволяет нам установить некоторые синтаксические различия между южнославянскими и западнославянскими языками,¹³ которые существовали уже в IX в.

Старославянский язык разделял также некоторые специфические черты с балканскими языками, вытекавшие из их соприкосновения при практическом общении их носителей. Таким путем в синтаксис старославянского языка проникли некоторые грецизмы, но они другого рода, чем грецизмы, возникшие в литературных памятниках путем подражания греческим подлинникам.¹⁴

С другой стороны, прачехословацкий язык, как и другие западнославянские языки, соприкасался с древнегерманским языком, что не осталось без влияния на его словарный состав и отчасти также на его грамматический строй. Достаточно показать на последствия, которые в синтаксическом

строе простого предложения имело заимствование личного модального глагола *musiti*.

Современное состояние сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков пока не позволяет раскрыть все различия в синтаксическом строе старославянского и прачехословацкого языков, но многие можно уже наметить (ср. § 6).

5. Различия, вытекающие из письменного характера старославянского языка и устного характера прачехословацкого языка

5.1. В употреблении форм склоняемых слов таких различий немного. Значения старославянских падежей и предлогов также не подверглись греческому влиянию, однако внимательный анализ открывает влияние оригинала на частоту употребления некоторых конструкций,¹⁵ на более быстрое исчезновение отмирающих средств или значений, и т. под. Таким образом можно, напр., объяснить, почему старославянский язык почти не сохранил локатив места, хотя он был живым еще на несколько веков позже в памятниках древнерусского языка и сохранился отчасти также в древнечешском языке. С другой стороны, живое употребление местного падежа без предлога в сочетании с определенными глаголами в старославянском языке широко сохранилось, тогда как в других древних славянских языках оно почти неизвестно.¹⁶

Между тем, благодаря косвенному влиянию греческого языка, система глагольных форм была в старославянском обогащена причастием на -МЪ (типа ХВАЛИМЪ, ЗНАЕМЪ), на основе которого была создана описательная форма страдательного залога, неизвестная в других славянских языках (она была заимствована русским литературным языком): ВСЪКО ОУВО ДРЪВО · ЕЖЕ НЕ ТВОРИТЬ ПЛЮДА ДОБРА · ПОСЪКАЕМО БЪВАЕТЪ И ВЪ ОГНЪ ВЪМЪТАЕМО Мф 3.10 Асс. Ни причастие на -тъ, ни описательную форму страдательного залога типа ХВАЛИМЪ ЕСТЬ нельзя приписывать прачехословацкому языку: редкие отглагольные прилагательные на -*m* (*vědom*, *znám*, *lakomý* и др.) являются не реликтами общераспространенного раньше причастия, а частными неларадигматическими образованиями.¹⁷ Греческая модель способствовала также распространению в старославянском языке описательного пассива, образованного при помощи страдательного причастия прошедшего времени, напр. ЗЪВАНЪ ВЪДЕШИ Лк 14.10 Мар, ПИСАНО ЕСТЬ Мф 2.5 Асс; однако, как показал Б. Гавранек, они сохраняли результативное значение.¹⁸ В прачехословацком языке их приближение к функции настоящего пассива не дошло до той степени, как в старославянском, и обороты с этими причастиями встречались существенно реже; об этом свидетельствует их употребление в народных говорах, сохранивших в этом отношении до известной степени состояние дописьменного языка.

5.2. Для строя простого предложения в старославянском языке характерно то, что в нем почти нет следов более свободного соединения его частей, с реликтами их первоначальной самостоятельности или полусамостоятельности. Это свойство очень ярко выступает по сравнению с некоторыми древнерусскими памятниками, но реликты подобных синтакси-

чески свободных конструкций встречаются также в древнечешских памятниках. Народные говоры показывают, что недостаточная синтаксическая спаянность предложения является характерным свойством устного языка; нет сомнения, что она была свойственна также прачехословацкому языку, как и другим славянским языкам в дописьменный период их развития.¹⁹ В старославянском языке она была устранена вследствие его обработки в литературный язык.

5.3. Мы уже говорили о перестройке системы причастных и деепричастных конструкций в старославянском языке; толчком для нее была необходимость сравниться в этом отношении с греческим языком.

Типично книжным средством, которое никак нельзя переносить в прачехословацкий язык, были субстантивированные причастия типа: МОЛѢБАШЕ И БЪСЪНОВАВЪИ СА Мк 5.18 Зогр; МОЛ<ИТВА> НАДЪДЪШИИМЪ СКВРЪНЪНА МАСА Треб 22a1—2. Греческий язык также повлиял на широкое распространение атрибутивных причастий (ср. МНОГА ТЪЛЕСА ПОЧИВАЮЩИИХЪ С<ВА>ТЪИХЪ ВЪСТАША Мф 27.52 Зогр); такое выражение не было чуждо славянским языкам, но вряд ли оно было обычным в устном языке.²⁰ Даже в древнечешском литературном языке оно никогда не достигло такого распространения, как в старославянском языке, и осталось редким.

Как типично книжное средство выражения, характерное только для старославянского языка и представляющее своеобразное и самостоятельное уподобление греческой модели, распространился дательный абсолютный; напр. И ВЪЛѢЗЪШЕМА ИМА ВЪ КОРАБЬ · ПРѢСТА ВѢТРЪ Мф 14.32 Зогр. Он не имеет аналогии в других славянских языках; примеры из украинских и болгарских говоров, приводимые для доказательства его славянского происхождения, не убедительны.²¹ В прачехословацком языке таких конструкций не было. В древнечешских памятниках XIII—XIV вв. sporadически появляются подобные образования, но они возникали под влиянием латинского языка и в оригинальные памятники не распространились; ср. *a scházefícim jim z huory přikázal jim Mt 17.9 EvOl (descendentibus illis de monte) × a když jdíechu s hory EvZim*; ср. старослав. И СЪХОДАШТЕМЪ ИМЪ СЪ ГОРЫ · ЗАПОВѢДЪ ИМЪ ИС<ОУС>Ъ Мар. Кроме такого „дательного абсолютного“, который представлен лишь несколькими примерами, появлялся родительный абсолютный (как подражание лат. аблативу абсолютному) и даже творительный абсолютный; все эти конструкции в чешском языке не закрепились. Не надо доказывать, что их нельзя считать унаследованными из праславянского языка.²²

Греческий язык оказал влияние также на употребление конструкций с именительным и винительным падежом причастия после некоторых глаголов (гл. обр., глаголов говорения), так что старославянское состояние нельзя переносить без тщательного сравнительного анализа в прачехословацкий язык. В значительной степени было ограничено употребление абсолютных деепричастных оборотов и присоединение деепричастий посредством соединительных союзов; более поздно засвидетельствованное древнечешское состояние является в этом отношении более близким прачехословацкому состоянию, чем старославянское.

5.4. Чисто книжными и свойственными только старославянскому языку

являются конструкции, возникшие по образцу греческих конструкций с членом.²³

Старославянские памятники не могут послужить надежной основой для реконструкции порядка слов в праechехословацком языке — они сильно подражали порядку слов греческого оригинала. Наиболее самостоятельным было положение энклитик в предложении.

5.5. В строе сложного предложения разница между письменным и устным языком проявляется наиболее ярко. Необходимость выражать в сжатом виде сложные мысли и переводить точно и ясно греческие подлинники, которые нередко отличались осложненным строем сложного предложения, требовала приспособления и обогащения средств, которыми располагал устный язык. Возникли новые союзы, значение других приспособилось соответствующим греческим союзам, преобразовались и возникли некоторые типы сложного предложения. С первого взгляда видно, что старославянский язык обладал более развитым строем сложного предложения, чем нынешние народные говоры.

5.51. Перестройка касалась не только сложноподчиненного, а также сложносочиненного предложения. По образцу греческого языка возник его новый тип: градационное сложносочиненное предложение с двойственным выражением НЕ ТЪКЪМО (НЕ ТЪЧИЪ) — НЪ И, напр. ТЪКО НЕ ТЪКЪМО РАЗАРЪШЕ СЪЖБОТЪ · НЪ И О(ТЪ)ЦА СВОЕГО ГЛ(АГОЛ)АШЕ Б(ОГ)А Ио 5.18 Зорг, ср. *οτι ου μόνον ἔλεγε τὸ σάββατον, ἀλλὰ καὶ πατέρα ἰδίου ἔλεγε τὸν θεόν*. Подобные конструкции распространились также в других славянских литературных языках: в чешском языке они встречаются уже во 2-й половине XIV в., напр. *přide do tvé duše, nejen aby ji navštívil, ale aby v ní odpočinul ŠtítSvát 75b1; netoliko bud' kostela zbaven, ale i kněžstvie oblúpen HusSvatokup 161b*. Но они возникли самостоятельно по образцу лат. *non solum (non tantum) — sed etiam* в религиозно-философской прозе, поэтому их нельзя считать унаследованными из праславянского языка. В праechехословацком языке IX в. они не существовали. Они характерны только для литературных языков, народным говорам они не свойственны.²⁴

Влияние греческого языка затронуло также другие типы сложносочиненного предложения и выражение отношений между однородными членами предложения. Кальками или подражанием греческим средствам надо считать, напр., разделительное употребление повторного АШТЕ—АШТЕ, АШТЕ—АШТЕ ЛИ, АШТЕ ЖЕ—АШТЕ ЖЕ (ср. греч. *εἶτε — εἶτε*)²⁵, двойное союзное выражение ОУБО—ЖЕ, реже БО—ЖЕ или ЖЕ—ЖЕ (ср. греч. *μὲν — δέ*, напр. ОВИ ОУБО БЪЖААХЪ ВЪ ГОРЪИ · ОВИ ЖЕ НА СЕЛЪХЪ СЪШТЕ ТААХЪ СА *οἱ μὲν—οἱ δέ* Супр 98.8—9), сочетание частицы ЖЕ с союзом И (ЖЕ И = *τε καὶ*, напр. СЪБЪРАША ВСА ІАЖЕ ОБРЪТЪ · ЗЪЛЪІА ЖЕ И ДОБРЪ *πονηρούς τε καὶ ἀγαθούς* Мф 22.10 Мар) и др., которые затем употреблялись также в непереводных текстах; ср. ПРОПОВДЪТЕЛЪ ЖИВЪИМЪ ЖЕ И МЪРТВЪИМЪ БЪИС(ТЪ) ЖМеф 1. Употребление греч. *δέ* не осталось без влияния на распространение его обычного старославянского эквивалента ЖЕ, в распределении функций противительных союзов А и НЪ отражается отчасти разница между греческими союзами *δέ* и *ἀλλά*. Уподоблением греческому сочетанию (*οὐ γάρ, οὐδέ γάρ*) можно объяснить старославянское НЕ БО, где отрицате-

льная частица оторвана от глагола; настоящей калькой с греческого *καὶ* *υἰὸς* является союз ИБО.²⁶

Мы могли бы привести большее количество примеров греческого влияния на выражение сочинительных связей в старославянском языке; но указанных примеров достаточно для обоснования нашего утверждения, что синтаксис старославянского языка не может послужить образцом для реконструкции прахехословацкого состояния даже в области паратаксиса, если его не подвергнуть критическому сравнительно-историческому анализу. Положение утрудняют многочисленные различия, вытекающие из принадлежности обоих языков к разным группам славянских языков (см. ниже § 6.51).

5.52. Вполне понятно, что мы должны считаться с еще более глубокой стилизацией старославянского синтаксиса в области сложноподчиненного предложения. В настоящей статье мы не можем дать полный анализ книжного характера старославянского сложноподчиненного предложения и его уподобления греческой модели; необходимо ограничиться самыми характерными примерами.²⁷

Примером почти полного уподобления функциям греческого эквивалента может послужить союз АШТЕ = *εἰ, ἐάν, ἄν*.²⁸ Он стал почти единственным союзом условным и уступительным (в уступительном значении обычно АШТЕ И = *εἰ καὶ, ἐάν καὶ*); поэтому в старославянском не развилась условная функция союза-частицы ЛИ, в отличие от большинства славянских языков. Мы считаем правдоподобным, что в прахехословацком языке IX в. условные предложения с *li* уже существовали. Интересный факт представляет закрепление сочетания АШТЕ ЛИ за греч. *εἰ (ἐάν) δέ* после некоторого колебания (в евангелиях встречается довольно часто АШТЕ ЖЕ или АШТЕ ЛИ ЖЕ); оно стало характерным средством старославянского и церковнославянского языков, которое имеет лишь очень слабое соответствие в других славянских языках в *ačli* и подобных сочетаниях. Точным соответствием греч. *εἰ δὲ μήγε (εἰ δὲ μή)* является АШТЕ ЛИ ЖЕ НИ, АШТЕ ЛИ НИ „иначе“. Без греческого влияния мы не могли бы объяснить употребление АШТЕ в функции частицы: Следуя греч. *εἰ*, оно вводит вопросительные предложения (в косвенных вопросах оно стало почти единственным средством и не позволило, чтобы здесь распространилось ЛИ, как в других славянских языках; ср. ВЪПРАШААШЕ И АШТЕ ЧЬТО ВИДИТЬ *εἰ τι βλέπει* Мк 8.23 Зогр). Следуя греческому *ἄν, ἐάν*, оно сочеталось с союзными словами в значении обобщающей частицы, напр. ИЖЕ АШТЕ „кто ни“, ИЖЕ АШТЕ „что ни“, ИЛИКО АШТЕ, ИДЕЖЕ АШТЕ и т. п.; оно вполне вытеснило частицу КОЛИЖЬ ДО, засвидетельствованную еще в древнейших переводах, в евангелиях. Эта функция АШТЕ не имеет соответствия в славянских языках²⁹ — она развилась как искусственное явление письменного языка. Употребление АШТЕ в качестве вопросительной частицы нельзя считать исконно славянским (это вытекает, между прочим, вполне очевидно из анализа самого старославянского материала); правда, в некоторых славянских языках, напр. в древнечешском и древнепольском, встречается подобное употребление союза *ače*, но оно является также вторичным (по образцу лат. *si*).³⁰ — О разделительном значении АШТЕ см. выше.

Из всего указанного вытекает, что употребление старославянского

АШТЕ не может служить основой при реконструкции строя соответствующих типов прачехословацкого сложного предложения — здесь нужно исходить из состояния древнечешского с учетом состояния в говорах и в других славянских языках. Мы считаем правдоподобным, что условное отношение выражалось отчасти предложениями с союзом *ač/e/*, отчасти предложениями, первично вопросительными, гл. обр., с союзом-частицей *li*. Уступительные предложения не были от условных четко ограничены; кроме *ač/e/*, у которого преобладало условное значение, здесь употреблялось *kako* (*kakž, kakož*).³¹

Очень осторожно надо поступать при реконструкции придаточных предложений относительных. В старославянском языке они представляли вполне стабилизированный тип и в них употреблялись — за очень редкими исключениями в более поздних памятниках — лишь относительные местоимения и наречия от основы **jo-*, гл. обр. ИЖЕ. Другие славянские языки показывают, что древние союзные слова с основой **jo-* указывали на лица или предметы уже известные, определенные; для выражения обобщающего значения (часто соединенного с условным оттенком) и для указания на неизвестные лица или предметы служили относительные местоимения и наречия, развившиеся из вопросительных (или, быть может, также из неопределенных). Очень показательно состояние в древнечешском и древнерусском языках.³² С течением времени новые союзные слова сменили старые; это развитие осуществилось как параллельный процесс в отдельных славянских языках. Трудно определить время возникновения относительной функции первоначальных вопросительных местоимений и наречий; нам кажется, что начало этого процесса можно положить в эпоху распада праславянской общности, но окончательное закрепление относительной функции и сближение новых союзных слов с древними наступало сравнительно поздно (в чешском языке, напр., лишь в XIV—XV вв.). Тем можно объяснить, что при преобразовании диалекта в литературный язык можно было обобщить, подражая греческому образцу, единое относительное местоимение ИЖЕ и распространить его во все функции, которые выполнял его греческий эквивалент *ὅς*, так что не осталось места для возникающих новых относительных слов. Мы уже видели примеры подобного обобщения одного союзного средства (ср. АШТЕ), которое не дало места для развития других средств, или вытеснило их, если они уже существовали и проникали в древнейшие переводы. При реконструкции праславянского состояния относительных придаточных предложений славянскому языкознанию предстоит еще большая работа; однако, по нашему мнению, можно считать несомненным, что старославянский язык не отражает праславянского состояния, так как он подвергся сильной стилизации.

К основе **jo-* восходят многие союзные образования во всех славянских языках. В старославянском языке в их образовании сказалось отчасти влияние греческого языка: союз ВЪНЕГДА, ВЪНЕГДАЖЕ возник на основе союза ЁГДА, ЁГДАЖЕ для перевода греческой конструкции *ἐν τῷ* с инфинитивом, напр. ВЪНЕГДА ВЪЗЫВАХЪ ОУСЛЫША МЯ *ἐν τῷ ἐπιμαλεῖσθαι με εἰσηκουσέν μου* Пс 4.2 Син, иногда встречается даже ВЪНЕГДА с инфинитивом. В древнейших памятниках этот союз не был

еще обычным, он распространился позже.³³ Этот пример напоминает, что также здесь к данным из старославянского языка нужно относиться очень осторожно — они далеко не всегда отражают древнее славянское состояние.

Путем своеобразного подражания греческой конструкции *ὅστε* + винит. с инфинитивом возникли старославянские конструкции **ЯКО/ЖЕ/** + дат. с инфинитивом, выполнявшие роль придаточных предложений следствия: **НИЧЬСОЖЕ НЕ ОТЪВЪШТА · ЪКО ДИВИТИ СА ПИЛАТОВИ** *οὐδὲν ἀπεκρίθη ὅστε θαυμάζειν τὸν Πειλάτον* Мк 15.5 Зоґр. Несмотря на то что конструкция дат. с инф. (с модальным значением необходимости) была славянской, ее употребление после союза **ЯКО** было вызвано наличием греческой модели. В переводе евангелий употреблялись чаще придаточные предложения с **ЯКО** + личная форма глагола,³⁴ что соответствует древнему славянскому состоянию (союз *jako*, *jakž* был частым консекутивным союзом также в древнечешском языке).

Характерной чертой старославянского языка, не имевшей соответствия в древних славянских языках, было также сочетание некоторых союзов с отрицательной частицей **НЕ**, которая таким образом оказалась оторванной от глагола. Ср. напр. **НИКЪТОЖЕ НЕ МОЖЕТЬ СЪСЖДЪ КРЪПЪКАЕГО ... РАСХЪТИТИ · АШТЕ НЕ ПРЪВЪЕ КРЪПЪКАЕГО СЪВЪЖЕТЪ** *ἐὰν μὴ πρῶτον τὸν ἰσχυρὸν δήσῃ* Мк 3.27 Зоґр, **И ЗАПРЪТИ ИМЪ · ДА НЕ АВЪ ЕГО СЪТВОРАТЪ** *ἵνα μὴ φανερὸν αὐτὸν ποιήσωσιν* Мф 12.16 Зоґр. (Ср. также **НЕ БО**, § 5.51.) Старославянский язык здесь подражает греческому, примеры с **НЕ** при глаголе встречаются реже.

В праехословацком языке, как языке устном, не существовавшем в письменной форме, не могли возникнуть подобные искусственные конструкции. Можно судить, что существовавшие в нем типы сложноподчиненного предложения не были четко разграничены друг от друга, что существовали переходы между паратактическим и гипотактическим сочетанием предложений, что преобладали многозначные союзы, выражавшие различные отношения между предложениями, но что они часто сохраняли реликты их первоначального лексического значения.³⁵ Такой строй сложноподчиненного предложения до известной степени свойствен до сих пор народным диалектам.

6. Различия, вытекающие из принадлежности старославянского и праехословацкого языков к разным группам славянских языков

6.1. В IX в. уже существовали некоторые различия в употреблении и значениях частей речи и их форм. Покажем, в качестве примеров, самые наглядные.

К характерным чертам старославянского языка принадлежит, прежде всего, частое употребление дательного приименного, напр. **ВЪ ПРАЗДЪНИКЪ ПАСЦЪ** Лк 2.41 Зоґр Асс Сав // **ПАСХЪТИ** Мар, **ХРАМЪ МОЛИТВЪ, ЛИЦЕ ОТЬЦОУ МИ** и т. под. Оно связано с его южнославянским, а в частности болгарским, происхождением;³⁶ в западнославянских языках определение выражалось обыкновенно родительным, хотя дательный приименный им не был вполне чужд.³⁷

Отсутствие предикативного творительного в древнейших старо-

славянских памятниках (он представлен немногими примерами только в Супр и двумя в Треб) можно объяснить принадлежностью старославянского языка к южнославянской языковой группе, где он получил, в целом, вообще небольшое распространение; возможно далее, что известную роль сыграла также древность старославянских памятников, — ко времени их возникновения творительный предикативный не успел еще внедриться в синтаксическую структуру славянских языков. Его упрочению в старославянском языке, может быть, оказывало известное сопротивление и влияние греческого оригинала.³⁸ В севернославянских языках, в том числе и в прачехословацком, творительный предикативный проникал раньше и получил большое распространение. Поэтому можно считать несомненным, что он встречался уже в языке жителей Великой Моравии в IX в., хотя второй именительный и второй винительный были еще живыми средствами выражения также там, где позже закрепился творительный. Об этом свидетельствует развитие именного сказуемого и предикативного атрибута в древнечешском языке.³⁹

6.2. В старославянском языке наличествовала описательная форма императива, состоящая из частицы ДА и индикатива глагола; она употреблялась обыкновенно в значении 3-го лица, но встречалась, хотя редко, также в 1-м лице и спорадически во 2-м лице: ДА С<ВА>ТИТЬ СЯ ИМА ТВОЕ · ДА ПРИДЕТЬ Ц<БСА>Р<Ь>СТВИЕ ТВОЕ · ДА БЖДЕТЬ ВОЛЪ ТВОЪ Мф 6.9—10 Зогр; МЖЖАИ СЯ И ДА КРЪПИТЬ СЯ СРЪДЪЦЕ ТВОЕ Пс 26.14 Син; И ЪДЪШЕ ДА ВЕСЕЛИМЪ СЯ Лк 15.23 Зогр; ДА НЕ ИМАШИ ПЛОДА ВЪ ВЪКЪ Треб 35а5.

Императивная и оптативная частица ДА свойственна южнославянским языкам;⁴⁰ в севернославянских языках сначала употреблялся простой императив и в третьем лице, и только позже, в процессе развития отдельных языков, развились разные частицы: русск. *пусть*, польск. *niech*, словац. *nech*, чешск. *ať* и т. д. В прачехословацком языке такой частицы еще не было; обычным средством выражения был простой императив. Первые примеры описательного императива с частицей *ať*, реже и позднее также *necht* (*nechaj*, *nechajt*, *nechažt*) встречаются в памятниках XIV в., но его закрепление в системе языка относится к XV—XVI вв. Ср. примеры простого императива из древнечешских памятников: *znamenaj to člověk všaký* Hrad; *ktož ostojí, buď jeho hlava zdravá* DalL; *přid smrt na ně a senděte do pekla živi* ŽaltPod 54.16.

6.3. Разница в выражении приказания или желания, направленного к 3-му лицу, отразилась в строе пожелательных и повелительных предложений. Прачехословацкий язык не обладал и другими оптативными частицами, засвидетельствованными в старославянских памятниках: ЁША и ЯРОУ. Только частица НЕДА, представленная в канонических памятниках единственным примером (НЕ ДА ИСПРАВИЛИ СЯ ПЖТЬЕ МОИ Пс 118.5 Син) требует специального исследования, потому что она имеет точное соответствие в редком древнечешском союзе *neda*, развившемся, несомненно, из пожелательной частицы: *netbali*, *by dobré byly*, *neda byly krásně* ŠtítSvát 102b2; *zpievají o nich mladí blázni*, *rozbúzejíc se k smilstvu*, *a někteří neda nemlčeli* ŠtítSvát 102a1. В дальнейшем развитии чешского языка *neda* сменилось союзом *leda*, который выполнял также функцию ограничительного союза.⁴¹ Оба союза показывают, что чешскому языку

не была неизвестна частица *da*, хотя бы только в качестве составной части союзов и частиц.

Вторично развилось оппозитивное значение вопросительных частиц: в старославянском языке ЕДА, И ДА (в канонических памятниках нет примеров), в чешском языке *kě, kěž*, но это развитие проходило поздно и не относится в эпохе соприкосновения обоих языков.

Сходным явлением в области вопросительных предложений было употребление частицы *li*; другие частицы расходились: старослав. ЕДА, прачехословацкое *či, za, zda (aza, azda, izda, zali, zdali)*. В Пражских отрывках (ПА 21—24) встречается частица ЕЗА: ЕЗА ЛИКА АПОСТОЛЪСКАГО ТИА ОТЪЛОУЧИ, ЕЗА ДАРА ЦЪЛЕНИЕ ТИА ЛИШИ, ЕЗА СЪ ОНЪМИ ВЕЧЕРЪВЪ ...; считаем правдоподобным, что она стоит в связи именно с чешским *za*, которое могло сочетаться с частицами (засвидетельствовано сочетание с *a-* и *i-*); сочетание с *e-* соответствует старославянскому ЕДА.

Мы уже обратили внимание на различие в выражении именной части сказуемого и предикативного атрибута (§ 6.1). Наряду с этим намечается также разница в употреблении связки: между тем как в прачехословацком языке связка *bŭti* в 3-м лице часто оставалась не выраженной,⁴² в старославянском языке она употреблялась совсем регулярно.⁴³

6.4. В области порядка слов старославянский язык отличался тем, что возвратное местоимение СА, а также винительный падеж личных местоимений МА и ТА, последовательно стояли после глагола (контактная позиция), между тем как другие энклитики сохраняют почти последовательно ритмическую позицию (после первого ударяемого слова в предложении), напр. И ЗЕМЛЪ ПОТРАСЕ СА · И КАМЕНІЕ РАСПАДЕ СА · И ГРОБИ ОТВРЪЗОША СА Мѣ 27. 51—52 Зогр.⁴⁴ В чешском языке с древнейших пор преобладала ритмическая позиция, хотя контактная позиция также встречается: *jakož se nic samo, což jest nebylo, nemohlo učiniti ŠtítBud 39 || pravě s nepravým nesrovná se ŠtítSvát 228.*⁴⁵

6.5. Важные различия существовали в строе сложного предложения. Они касаются прежде всего употребления разных союзов и союзных слов, но затрагивают также другие явления, особенно употребление наклонения.

6.51. Основным средством выражения соединительной связи служил в обоих языках союз *i*. Есть свидетельства, по которым можно судить, что он был единственным истинно соединительным союзом также в прачехословацком языке — переход союза *a*, первоначально присоединительного и сопоставительного, в соединительный относится, по всей вероятности, к более позднему времени, хотя не исключено, что он уже тогда начинался.⁴⁶ Общим в обоих языках было также употребление повторной отрицательной выделительной частицы *ni* в функции соединительного союза. В противоположность этому, союзы ТИ, ТА, ТО, ТЪ в прачехословацком языке не встречались.

Противительное отношение в сравниваемых языках выражалось разными средствами (за исключением сопоставительного *a*, которое имеет общеславянский характер): в старославянском языке ЖЕ, НЪ, ОБАЧЕ, в прачехословацком *ale* и, может быть, также *li, ali, le, než || lež*.

Энклитика ЖЕ выступала в старославянском языке чаще всего как союз присоединительный с более или менее заметным сопоставительным или противительным оттенком значения, но она служила также к сочетанию частей сложносочиненного предложения, напр. ТЫ ОУЧЕНИКЪ ЕСИ ТОГО · МЫ ЖЕ МОСЕОВИ ЕСМЪ ОУЧЕНИЦИ Ио 9.28 Мар; ОВОГДА ОУБО ВИДЪТИ И БЪАШЕ СЪДА · ОВОГДА ЖЕ ОТРОКА Супр 121. 25—26. Кроме того, ЖЕ выполняло в старославянском языке функцию выделительной или усилительной частицы; особенно часто оно ставилось после относительных местоимений и наречий и после союзов, образованных из относительных основ. В западнославянских языках *že* не развилось в паратактический союз (может быть, такому развитию препятствовало частое употребление *že* в качестве подчинительного союза), несмотря на то что оно часто употреблялось в функции усилительной частицы.

В дальнейшей фазе развития чешского и словацкого языков нет следов употребления противительного союза *ně*, но, так что можно сказать, что он не был свойствен и прачехословацкому языку. Единственный пример в глоссах Патеры (GlossGreg) надо считать церковнославянизмом: *n čas-tého pitá sed assidue potationis*. Объяснение происхождения древнечешского *nali* < *ně ali* было опровергнуто новой этимологией И. Зубатого.⁴⁷ В современном словацком языке встречается противительный союз *no*, напр. *udrel sa, no to sa ľahko pretrpí* (Šoltéžová), но в древнем языке его не было.⁴⁸

Старославянский союз ОБАЧЕ имеет соответствие в древнечешском *obak*, *obáč*, но это слово выступает в древнечешских текстах в функции наречия и только вторично становится выражением противительного отношения; нельзя предполагать, что мы имеем дело с реликтом раньше развитой союзной функции.⁴⁹

С другой стороны, в старославянском языке не был известен самый обычный западнославянский противительный союз *ale*, который можно отнести к эпохе более тесной общности западнославянской языковой группы.

Единственным примером засвидетельствован в древнечешском языке союз *ali* (*ali již* ОтсА 20b *tamen nunc*), но его распространение в древнепольском языке позволяет судить, что он в доисторическое время существовал также в чешском языке.⁵⁰ В грамматиках и словарях старославянского языка отмечается обыкновенно АЛИ как противительный союз в вопросительных предложениях, но анализ материала ясно показывает, что в старославянском языке древнего периода не существовали ни союз, ни частица АЛИ — во всех случаях мы имеем дело с свободным сочетанием союза или частицы А и частицы ЛИ; ср. напр. АЗЪ ХОШТЖ ОТЪ ТЕБЕ КРЪСТИТИ СА · А ЛИ ТЫ КЪ МНЪ ИДЕШИ Мф 3.14 Сав // А ТЫ ЛИ Зогр Асс.⁵¹ Только в более поздних церковнославянских памятниках сросло А с ЛИ в одно слово, которое выполняло функцию частицы или союза; противительный союз *ali* распространился в сербохорватском и словенском языках. Но в эпоху соприкосновения наших языков *ali* не принадлежало к сходным явлениям старославянского и прачехословацкого языков.

Редкое *le* и представленное единственным сомнительным примером противительное *li*⁵² не имеют в старославянском языке соответствия. (О ЛИ за греч. *δέ* после АПТЕ ср. выше.) Наличие противительного союза *než*, или же его словацкого эквивалента *lež*, в прачехословацком языке IX в.

считаю мало правдоподобным;⁵³ все остальные противительные союзы развились вторично в более позднее время.

Мы остановились более подробно над различиями в выражении противительного отношения, чтобы наглядно показать, как глубоки были различия даже в выражении координационного отношения паратактическими средствами. То же самое можно показать на примере средств выражения разделительной связи: старославянские союзы *ЛИ* и *ИЛИ* не имеют соответствия в чешском и словацком языках, а союзы *nebo/lebo, čili, či, leč—leč* в старославянском языке. Только редкое *ЛЮБО* — *ЛЮБО* имеет соответствие в древнечешском *lib — lib*; ср. *ЛЮБО ВЪ ВЪТОРЖИЖ · ЛЮБО ВЪ ТРЕТИИЖ СТРАЖИЖ ПРИДЕТЪ* Лк 12.38 Зорг — *trúp zjědá cuzě úsilě, libo málo libo velě* Hrad 107a.⁵⁴

По-разному оформились также союзы, выражающие результативную и обосновательно-пояснительную связь. Совпадают только старославянское *ТЪМЪ ЖЕ* и очень редкое древнечешское *tiemž*. Очень частое *БО* имеет неполное соответствие в чешском *bo*, которое сохранилось в единственном примере (DalL 94b); подобно тому как польское *bo*, оно стояло в начале предложения и носило ударение, тогда как старославянское *БО* было энклитикой.⁵⁵

6.52. Из многочисленных различий в строе сложноподчиненного предложения интересуют нас только те, которые касаются уже сложившихся в праechословацком языке типов (ср. выше § 5.52).

Самый частый подчинительный союз старославянского языка *ЈАКО* имеет прямое соответствие в древнечешском *jako (jakž, jakož, jakež* и т. под.); нет сомнения, что союз *jako* восходит к праславянскому языку и что он существовал в праechословацком языке. Однако в западнославянских языках он в нескольких типах уступал место союзам *že, ježe, ež* и т. под. (в придаточных предложениях изъяснительных, причины и следствия). Эти союзы, имеющие некоторые параллели в других славянских языках (также старославянское *ЈУЖЕ* выступало иногда в функции союза), нужно считать древними; они чередовались с *jako* уже в праechословацком языке. В придаточных предложениях с *ЈАКО* находился глагол-сказуемое, как правило, в индикативе, между тем как в древнечешских памятниках сохранилось чаще *jako* с сослагательным наклонением (*jako by*). Кроме того, наряду с индикативными предложениями с союзами *že, ježe, ež*, в которых выражалось реальное действие, существовали придаточные предложения с *by* в функции союза, выражающие нереальное действие (мнимое, отрицаемое, кажущееся, сомнительное и т. под.). Мы уверены в том, что также эти предложения можно отнести к эпохе праechословацкого языка; их точное соответствие в древнепольском языке заставляет думать об их еще большей древности.⁵⁶ Итак, можно предполагать, что в строе придаточных предложений изъяснительных, причины и следствия существовали различия не только в употреблении союзов, но и в наклонении глагола: для старославянского языка характерно почти исключительное употребление индикатива, тогда как в праechословацком языке широко использовалось сослагательное наклонение.

Очень ограничено было употребление сослагательного наклонения тоже в старославянских придаточных предложениях цели и косвенно-побудительных; оно выступает лишь в нескольких примерах, тогда как в тысячах

примеров встречается ДА с индикативом.⁵⁷ С другой стороны, в прачехо-словацком языке (как и в других западнославянских языках) основным средством выражения были предложения с сослагательным наклонением, в которых функцию союза выполняла составная часть сослагательного наклонения *by* или *aby*. Индикативные предложения с союзом *at* имели лишь очень ограниченную область употребления; время их возникновения определить трудно, но вполне возможно, что они начинали складываться уже в прачехословацкую эпоху.⁵⁸

Подобные союзы существовали в придаточных предложениях времени, но за исключением *jako* они не были тождественными; старославянскому ИГДА соответствовало *jedaž, jedyžto*, союзам ДОНЬДЕЖЕ, ДОИДЕЖЕ и под. древнечешские *donidž, doňadž, doňudž, donědž* и под. Все это образования не тождественные, а только близкие по форме и по функции. Разница заключается в том, что после старославянских союзов ДОНЬДЕЖЕ и др. употреблялся глагол-сказуемое без отрицания даже тогда, когда они имели значение „пока не“, в то время как после чешских союзов *donidž* и др. положительный глагол стоял только при одновременности действий („пока“), а при последовательности действия придаточного предложения необходимо было употребление отрицания: ПОЊЪ Б<ОГ>ОУ МОЕМОУ ДОИДЕЖЕ ЕСМЪ Пс 103.33 Син; НЕ ИМАТЬ ПРЪИТИ РОДЪ СЪ · ДОНДЕЖЕ В'СЪ БЖДЖТЬ Лк 21.32 Зорг // *nemine pokolení toto, doňovadž všeko toto se nestane* EvOl 207a × *zpěji bohu mému, doniž sem ŽaltPod, donidž ztravu jmějše, dotud ctěn bieše* DalL 76.8. Сходство древнечешского языка с древнепольским является порукой того, что в чешском типе не имеем дело с новообразованием. Между прочим, отрицание встречается также в старославянских предложениях подобного значения с союзом ПРЪЖДЕ ДАЖЕ: ПРЪЖДЕ ДАЖЕ НЕ ВЪЗГЛАСИТЬ КОКОТЬ ТРИ КРАТЫ ОТЬ-ВРЪЖЕШИ СА МЕНЕ Лк 22.61 Мар. Нельзя исключить возможность греческого влияния в старославянском языке: ДОНЬДЕЖЕ и под. союзы соответствовали греч. *εως* с положительным глаголом.⁵⁹

Союзы *než* и *až* получили временное значение вторично, их нельзя отнести к IX в. Иначе обстоит дело с союзом *jeliž*, в древности которого нет сомнения; его соответствие в старославянском языке, союз ИЕЛИ, имел условное, а не временное значение.

В придаточных предложениях причины употреблялись, помимо отмеченных союзов *bo* и *jako*, отчасти разные союзы (ИМЪЖЕ, ЗАНЕ, ИДЕ, ИЕЛЬМА // *nebo*⁶⁰), отчасти близкие: ПОЊЕ, ПОЊЕЖЕ // *poniž, poňadž, poněvadž*. Это древние образования, восходящие к относительной местоименной основе с предлогом *po*, но их следует скорее считать параллельными образованиями (подобно тому как и союзы типа ДОНЬДЕЖЕ // *donidž*), чем союзами, унаследованными из праславянского языка.

Мы уже отметили различия в оформлении придаточных предложений относительных и условных (см. § 5.52). Можно добавить, что и здесь употреблялись лишь близкие, а не вполне тождественные союзные средства (ИЖЕ // *jenž*, АШТЕ // *ače*). К различиям между обоими языками принадлежит далее употребление условного союза *li* и уступительного *kakž* (*kakož, kako*)⁶¹ в чешском языке, к которым в старославянском языке нет со-

ответствия. Нереальное условие выражалось также предложениями, в которых в роли союза употреблялось *by*; напоминающие их старославянские предложения с А БИ, А БЪИ встречаются только в Супр,⁶² так что их нельзя считать свойственными старославянскому языку великоморавского периода.

Заключение

7. Для решения вопроса о чешских элементах в старославянских и церковнославянских памятниках и о влиянии старославянского языка на чешский язык необходимо сопоставительное изучение грамматического строя и словарного состава обоих языков в эпоху их соприкосновения; большие затруднения вызываются тем обстоятельством, что чешский язык засвидетельствован в письменном виде на несколько столетий позже, так что необходимо прибегнуть к реконструкции его доисторического состояния. Самой трудной задачей является реконструкция синтаксического строя прачехословацкого языка IX—X вв.; тем не менее она, по нашему мнению, до известной степени все же осуществима, если только будут соблюдены методологические установки, предохраняющие нас от неправильной интерпретации данных. Реконструкция должна основываться:

1. на сравнительно-историческом изучении синтаксиса древнечешского языка с учетом его дальнейшего развития, с учетом развития синтаксического строя словацкого языка и синтаксиса народных говоров;

2. на изучении синтаксического строя старославянского языка, как единственного славянского языка того времени, засвидетельствованного в письменном виде.

Результаты обоих приемов нужно сопоставлять, учитывая существенные различия в синтаксическом строе обоих языков, которые вытекают, с одной стороны, из письменного характера старославянского языка и устного характера прачехословацкого языка, с другой же стороны, из принадлежности этих языков к разным группам славянских языков.

В статье намечаются теоретические и методологические предпосылки такого анализа и в общих чертах показываются самые важные различия в синтаксическом строе обоих языков. Цель статьи — указать возможность и плодотворность такой работы, обратить внимание на отдельные проблемы и дать повод к исследованиям в этой очень важной области сравнительно-исторического изучения славянских языков.

Сокращения старославянских и древнечешских памятников

Старославянские памятники:

Асс	Ассеманиво евангелие (Evangelium Assemani), изд. Н. Курца.
Зогр	Зографское четвероевангелие (Codex Zographensis), изд. В. Ягича.
ЖМеф	Житие Мефодия, изд. П. А. Лаврова (Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, Ленинград 1930 г.).
Мар	Мариинское четвероевангелие (Codex Marianus), изд. В. Ягича.

Сав	Саввина книга, изд. В. Щепкина.
Син	Синайская псалтырь (Psalterium Sinaiticum), изд. С. Северьянова.
Супр	Супрасльская рукопись (Codex Suprasliensis), изд. С. Северьянова.
Треб	Синайский требник (Euchologium Sinaiticum), изд. Р. Нахтигала.

Древнечешские памятники:

Alx	Alexandreida, памятник нач. XIV в.
AlxV	zlomek Svatovitský, рукопись нач. XV в.
BiblOl	Bible Olomoucká, рукопись 1417 г.
Comest	Petra Comestora Historia scholastica, рукопись 1404 г.
Dal	Dalimilova kronika, памятник 1-й пол. XIV в.
DalC	rukopis Cambridgeský, рукопись 2-й пол. XIV в.
DalL	rukopis Lobkovický, рукопись 1-й пол. XV в.
EvOl	Evangeliář Olomoucký, рукопись 1421 г.
EvZim	Stenie zimního času, рукопись конца XIV в.
GlosGreg	Glosy Svatořežské (Paterovy), глоссы конца XI—нач. XII вв.
Hrad	Hradecký rukopis, рукописный сборник 2-й пол. XIV в.
HusSvatokup	M. Jan Hus, Knížky o svatokupectví, по рукописи 2-й пол. XV в.
Krist	Život Kristův, житие XIV в.
MastMus	Mastičkář, рукопись пол. XIV в.
Otc	Životy sv. Otců, перевод житий XIV в.
OtcA	рукопись нач. XV в.
Pas	Passionál, рукопись XIV в.
Štít	Tóma ze Štítného (умер в нач. XV в.).
ŠtítBud	его произведение Řeči besední по рукописи нач. XV в.
ŠtítSvát	его произведение Řeči nedělní a sváteční по рукописи 1392 г.
Tand	Tandariáš, рукопись XV в.
ŽaltGlos	Žaltář Glosovaný, неполный надстрочный перевод конца XIII в.
ŽaltPod	Žaltář Poděbradský, рукопись 1396 г.
ŽaltWittb	Žaltář Wittenberský, рукопись 2-й трети XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. М. Чейка — А. Лампрехт, *К вопросу о славянском языковом единстве в период прихода в Моравию Константина и Мефодия*, в этом сборнике, стр. 461 сл.; В. Ф. Мареш, *Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве*, Вопросы языкознания X, 1961, 2, 12 сл.

² Ср. выводы В. Ф. Мареша, опирающиеся на анализ Киевских листов, в указ. статье.

³ Ср. М. Weingart, *Československý typ církevní slovančiny*, Bratislava 1949; R. Večerka, *Slovanské počátky české knižní vzdělanosti*, Praha 1963 (особенно стр. 67 сл.); его же статью в этом сборнике, стр. 493 сл.

⁴ Ср. Fr. Trávníček, *Glosy Jagičovy a svatořežské*, Slovanské studie, Praha 1948, 164—168; к дальнейшему обсуждению вопроса ср. замечания Р. Вечерки в этом сборнике, стр. 494 сл.

⁵ Ср. указ. статью (прим. 1), стр. 19, и его же статью *Česká redakce církevní slovančiny v světle Besěd Řehoře Velikého*, Slavia 32, 1963, 432—435.

⁶ Ср. в этом сборнике, стр. 507—508.

⁷ R. Večerka, *Bohemismy v první staroslověnské legendě Václavské*, Slavia 30, 1961, 417—418.

⁸ Значение реконструкции синтаксического строя праславянского языка было вновь подчеркнуто на V Международном съезде славистов; ср. доклады: J. Bauer, *Úkoly a metody rekonstrukce praslovanské syntaxe*, Československé přednášky pro V. mezinár. sjezd slavistů v Sofii, Praha 1963, 75—81; L. Bednarczuk, *Z zagadnień składni prasłowiańskiej*, Z polskich studiów slawistycznych I, Warszawa 1963, 161—173; О. С. Мельничук, *Основні лінії розвитку складнопірядниж речень у слов. мовах*, Київ 1963.

⁹ См. В. Havránek, *Metodická problematika historickosrovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků*, К historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků, Praha 1958, 84—85.

¹⁰ Ср. R. Večerka, *Syntax aktivních participií v staroslověnině*, Praha 1961; R. Růžička, *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*, Berlin 1963; J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého IV*, Praha 1929, 588 сл.

¹¹ См. J. Bauer, *Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků*, Cs. přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů в Москvě, Praha 1958, 73; R. Ruzicka, *Griechische Lehnntax im Altslavischen*, Zeitschrift für Slavistik III, 1958, 173 сл.; H. Birnbaum, *Zur Aussonderung der syntakt. Gräzismen im Altkirchenslavischen*, Scandoslavia IV, 1958, 239 сл.

¹² Ср. В. Ф. Мареш, указ. соч., ВЯ X, 1961, стр. 14.

¹³ Западнославянские языки разделяли многие черты с восточнославянскими, так что в большинстве случаев дело идет о противопоставлении южнославянских языков севернославянским. Но некоторые черты были характерны для одних западнорусских языков, или даже только для их чехословацкой и польско-лехицкой группы.

¹⁴ Ср. Я. Седлачек, *Синтаксис старославянского языка в свете балканистики*, Slavia 32, 1963, 385 сл. На гречизмы такого рода обращает внимание H. Birnbaum в указ. статье (см. примеч. 11).

¹⁵ Примером может послужить чередование конструкций ЕДНЪ ИХЪ // ОТЪ НИХЪ, описанное Р. Вечеркой в статье *K překladi staroslověnských evangelií z řečtiny*, Slavia 20, 1950, 42—44.

¹⁶ Ср. Я. Бауэр, *Беспредложный локатив в старославянском языке*, Исследования по синтаксису старославянского языка, Прага 1963, 263 сл.

¹⁷ См. В. Гавранек, *Салог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане*, Исследования по синтаксису ст.-сл. языка, стр. 64 сл.

¹⁸ См. там же, стр. 80 сл.

¹⁹ Ср. J. Bauer, *Staročeská věta a staročeské souvětí na základě srovnávacím.*, К historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků, 108 сл.

²⁰ См. R. Večerka, *Syntax aktivních participií v staroslověnině*, стр. 12 сл., 32 сл.

²¹ См. J. Stanislav, *Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine*, Byzantinoslavica 5, 1933—1934, 1—112; R. Večerka, указ. соч., стр. 47 сл.

²² См. J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého IV*, 367, 397, 421; J. Bauer, *Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků*, Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů в Москvě, 86—87.

²³ Ср. J. Kurz, *K otázce členu v jazycích slovanských, se zvl. zřetelem k staroslověnině*, Byzantinoslavica, 7, 1937—38, 212—340; 8, 1939—46, 172—288; его же, *Проблема члена в старославянском языке*, Исследования по синтаксису ст.-сл. языка, 121 сл.; ср. также в его же статье *Význam studia jazyka staroslověnského*, Slavia 21, 1953, 240—241.

²⁴ Ср. V. Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik II*, Göttingen 1928, 464—465; J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, Praha 1960, 81—82.

²⁵ Ср. J. а M. Bauerovi, *Staroslověnské АШТЕ*, Slavia 26, 1957, 164; *Slovník jazyka staroslověnského*, вып. 1, Praha 1958, 64.

²⁶ Ср. M. Bauerová, *Staroslověnské spojky bo, *nebo, neboň a ibo*, Studie ze slovanské jazykovědy, Praha 1958, 95—96, 98—99.

²⁷ Технике перевода греческих придаточных предложений в старославянском языке посвящена специальная монография: St. Słowski, *Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den albulgarischen Sprachdenkmälern*, Kirchheim N.—L., 1908.

²⁸ Ср. J. а M. Bauerovi, *Staroslověnské АШТЕ*, Slavia 26, 1957, 157—179.

²⁹ В этимологических словарях соотносят АШТЕ в этой функции с редко и поздно засвидетельствованным польским *jasu* (ср. напр. Fr. Słowski, *Slovník etymologiczny języka polskiego I*, Warszawa 1952—1956, 483); такое объяснение нельзя считать правильным.

³⁰ См. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 156; его же, *Kilka uwag do hasel spójnikowych w Słowniku staropolskim*, Język Polski 38, 1958, 15—16.

³¹ Уступительное значение союза *ač* в древнечешском языке постепенно нарастает за счет значения условного; ср. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 332—334.

³² Ср. J. Zubatý, *Jenž, který, kdo, co, Naše řeč* 2, 1918, 37—44; Fr. Trávníček, *Historická mluvnice česká III — Skladba*, Praha 1956, 99 сл.; J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 332—334; А. И. Сумкина, *К истории относительного подчинения в русском*

языке XIII—XVII вв., Труды Института языкознания V, Москва 1954, 139—202. Состояние и развитие в древнепольском языке описывают: E. Nieminen, *Beiträge zur altpolnischen Syntax I—II*, Helsinki 1939, 1950 (см. рецензию его работы, *Sborník prací filosofické fakulty brněnské university* 1957, A 5, 119—129); St. Urbańczyk, *Wyparcie społ. względnego jen, jenże przez pierwotnie pytajne kłóry*, Kraków 1935.

³³ Ср. *Slovník jazyka staroslověnského*, вып. 6, Praha 1962, 310—311.

³⁴ См. St. Słoński, указ. соч. (примеч. 27), 42 сл.

³⁵ Ср. Я. Бауэр, *К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения*. Вопросы славянского языкознания, вып. 6, Москва 1962, 89—111.

³⁶ См. Р. Мразек, *Дательный падеж в старославянском языке*, Исследования по синтаксису старославянского языка, 246—252; Р. Вечерка, *Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке*, в том же сборнике, стр. 199—200.

³⁷ В древнечешском языке дательный применный встречается редко, гл. обр. тогда, когда проникало понимание в смысле направленности. Ср. J. Gebauer, *Historická mluvnice IV*, 395—396.

³⁸ См. М. Бауэрова, *Беспредложный творительный падеж в старославянском языке*, Исследования по синтаксису ст.-сл. языка, 305—307.

³⁹ Ср. J. Gebauer, *Historická mluvnice IV*, 298 сл., 319 сл., 414 сл.

⁴⁰ Ср. Я. Седлачек, *Синтаксис старославянского языка в свете балканистики*, *Slavia* 32, 1963, 392—393.

⁴¹ См. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 303—304, 321.

⁴² О развитии чешского языка ср. Fr. Trávníček, *Historická mluvnice česká III*, 8 сл.; его же, *Neslovesné věty v češtině II*, Brno 1931.

⁴³ Мнимое отклонение представляют примеры следующего типа: ОТЕЦЪ ВАШЪ ИЖЕ ВЪ НЕБ<Е>С<Б>ХЪ Мк 11.26 Мар. Однако мы имеем здесь дело не с номинальным придаточным предложением (= ИЖЕ ЕСТЬ ВЪ НЕБЕСЬХЪ), а с калькированным греческого определения с членом: *ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς* (в Зоге оно передается прилагательным НЕБЕСЬСКИИ).

⁴⁴ См. Б. Гавранек, *Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане*, Исследования по синтаксису ст.-сл. языка, 20 сл.

⁴⁵ См. J. Gebauer, *Historická mluvnice IV*, 88—89; Fr. Trávníček, *Historická mluvnice česká III — Skladba*, 147 сл.

⁴⁶ A. Patera (*Stě. glossy v latinském žaltáři musejním XIII. stol.*, *Časopis českého musea* 53, 1879, 413) установил, что в древнейшем надстрочном переводе псалтыря (ŽaltGloss из XIII в.) встречается только союз *i*, тогда как в более позднем полном переводе (ŽaltWittb из XIV в.) на соответствующих местах выступают в одинаковом количестве союзы *i* и *a*. В дальнейшем развитии чешского языка вытеснение союза *i* союзом *a* продолжалось (см. *Vývoj českého souvětí*, 34—39). Это развитие разделяют с чешским языком также другие западнославянские языки, и оно имеет, несомненно, древние корни; тенденция к переходу *a* в соединительный союз наблюдается почти во всех славянских языках (см. V. Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik II*, 460—461). Состояние в старославянском языке представлено в словарной статье, см. *Slovník jazyka staroslověnského*, вып. 1, стр. 1—2.

⁴⁷ J. Zubatý, *Nali, nalit*, Studie a články I. 2, Praha 1949, 44—57.

⁴⁸ См. J. Orlovský, *Slovenská syntax*, Bratislava 1959, 93—94; J. Stanislav, *Slovenská historická gramatika IV — Syntax*, Bratislava 1963 (учебный текст), 95—96, 97. По мнению Я. Станислава словацкое противительное *no* или заимствовано из русского языка, или же восходит к междометию *no*; в более древнем языке оно было неизвестно (стр. 95).

⁴⁹ Ср. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 54—55; *Slovník staročeský, pracovní zásady a ukázky hesel*, Praha 1956, 64—65.

⁵⁰ См. J. Gebauer, *Slovník staročeský I*, Praha 1903; *Slovník staropolski I*, Warszawa 1953, 33—35.

⁵¹ См. М. Бауэрова, *Existovala v staroslověštině spojka nebo částice ali?*, *Slavia* 26, 1957, 573—574; *Slovník jazyka staroslověnského*, вып. 1, стр. 3.

⁵² См. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 61—63.

⁵³ В древнейших чешских памятниках нет надежных примеров противительного *než*; более частым оно становится лишь начиная с 2-й половины XIV в. (см. *Vývoj českého souvětí*, 72—74).

⁵⁴ Древнечешское *lib/oj* возникло из *l'ubo* в результате перегласовки *'u > i*; его объяснение из частиц *li + bo*, приводимое в этимологических словарях, и сопоставление

s перковнославинским и русским либо нельзя считать убедительным. Ср. J. Bauer, *Slovanské spojky s -bo*, Studie ze slovanské jazykovědy, 86—87, 91—92.

⁵⁶ См. Я. Бауер, укаа. статья (примеч. 54), стр. 79 сл.

⁵⁶ Ср. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 128, 131—149, 275—281, 287—289, 291—292, 296.

⁵⁷ Ср. H. Bräuer, *Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen*, Wiesbaden 1957; его же, *Zur Entwicklung der ursprünglichen Abwehrsätze im Altkl. u. Altrus.*, Festschrift Vasmer, 1956, 74—82. Ограниченное употребление кондционала можно объяснить в связи с балканским происхождением старославянского языка; см. J. Sedláček, *K problematice zkoumání syntaxe staroslověnštiny*, Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 90; его же, *K balkánským paralelám ve vyjadřování hypotetické modálnosti*, Slavica Pragensia IV, Praha 1962, 301—305.

⁵⁸ Ср. J. Bauer, *Vývoj českého souvětí*, 168—178, 298—302.

⁵⁹ См. J. a M. Bauerovi, *Staroslověnské spojky typu doňdže, doňelize*, Slavica 30, 1961, 410—416.

⁶⁰ Причинное значение союзов *ješto* и *jelikož* является вторичным, и оно развилось относительно поздно; ср. *Vývoj českého souvětí*, 292—293, 295.

⁶¹ См. *Vývoj českého souvětí*, 329—330.

⁶² См. *Slovník jazyka staroslověnského*, вып. 1, стр. 2—3.

STAROSLOVĚNŠTINA A JAZYK OBYVATEL VELKÉ MORAVY

Porovnání syntaktické stavby

Resumé

Při zjišťování českých prvků v staroslověnských a církevněslovanských památkách a při zkoumání vlivu staroslověnštiny na češtinu je nezbytné srovnávací studium jejich mluvnické stavby a slovní zásoby v době, kdy se spolu stýkaly. Velké potíže působí ta skutečnost, že pro češtinu máme souvislé písemné památky až z doby o několik století pozdější, ze XIII.—XIV. stol. Proto jsme při porovnávání stavby obou jazyků nuceni tento chronologický rozdíl překonávat s pomocí rekonstrukce předhistorického stavu českého jazyka v IX.—X. stol.; v té době si byly slovanské jazyky velmi blízké a obyvatelé Velké Moravy, předkové dnešních Čechů a Slováků, mluvili málo diferencovanými nářečnými, která můžeme nazvat pračeskoslovenský jazyk.

Nejobtížnějším úkolem je rekonstrukce syntaktické stavby pračeskoslovenského jazyka; je to však úkol do značné míry splnitelný, budou-li se zachovávat metodologické zásady, které zabrání nesprávné interpretaci jazykových jevů. Rekonstrukce se musí opírat:

1. o historickosrovnávací studium syntaxe staročeského jazyka (na pozadí vývoje ostatních slov. jazyků, zejm. jazyků západoslovanských) a jejího dalšího vývoje s plným přihlédnutím k vývoji syntaxe slovenského jazyka a ke stavu v českých i slovenských nářečích;

2. o studium syntaxe staroslověnského jazyka, neboť to je jediný slovanský jazyk s písemnými památkami z té doby.

Výsledky obojího studia je nutno porovnávat; musí se přihlížet k podstatným i drobnějším rozdílům ve stavbě obou jazyků, které vyplývají jednak z knižní povahy staroslověnštiny a z pouze mluvené podoby pračeskoslovenštiny, jednak z jihoslovanského původu staroslověnštiny a ze západoslovanského původu pračeskoslovenštiny.

V článku se probírají teoretické a metodologické zásady porovnávací analýzy syntaxe obou jazyků a předpoklady k rekonstrukci syntaktické stavby pračeskoslovenského jazyka v IX.—X. stol. Vytýkají se nejdůležitější shody i rozdíly ve stavbě jednoduché věty i souvětí, a to nejprve jevy související s rozdílnou povahou obou jazyků (staroslověnština byla jazykem spisovným, uměle dotvořeným podle řeckého vzoru zejm. ve stavbě složitější věty

a souvětí, kdežto pračeskoslovenský jazyk byl pouze mluvený) a potom jevy vyplývající z příslušnosti obou jazyků k různým skupinám slovanských jazyků.

Úkolem stati je ukázat možnost a užitečnost rekonstrukce předhistorické syntaktické stavby češtiny a slovenštiny a její konfrontace s doloženou syntaktickou stavbou staroslověnských památek; jde tu o důležitý a naléhavý úkol srovnávací slovanské jazykovědy, jehož řešení vytvoří předpoklady ke studiu dalších otázek slovanské syntaxe.